

УДК 821.161.1: 82-145 (Русская литература / Морально-философские стихотворения)

**ПОИСК «ИНОГО ЦАРСТВА»:
ОБРАЗ ПОЭТА В ЛИРИКЕ В. ДУДАРЕВА И Е. ГУСЕВА**

© 2024 М.А. Дударева^{1,2}, Г.Б. Аталян³

Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой общей и славянской филологии

Института славянской культуры

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Аталян Гаяне Бориковна, ассистент кафедры русского языка № 1

E-mail: rapyan-rudn@mail.ru

¹РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Москва, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

³Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 12.09.2024

Цель исследования — выявить философский, онтологический, аспект образа поэта в стихах современных русских поэтов Валерия Федоровича Дударева и Евгения Павловича Гусева. Объект статьи — два стихотворения: «Поэты» (В. Дударев) и «Возвращение» (Е. Гусев). Предметом исследования выступает эйдология «иноного царства», которая является фундирующей для образа поэта в лирике современников. Проводятся параллели с русской волшебной сказкой, ее иномировой эстетикой, строящейся на онтологическом поиске «иноного царства», идеального мира. В стихах современных поэтов раскрывается аксиологическая и онтологическая сущность этого поиска «иноного царства», который способен осуществить только художник слова, чувствующий знаки судьбы, пророчески относящийся к жизни. Обращаемся к русской философии начала XX века, наследию С. Франка, показавшего апофатический горизонт поэзии, и отечественному литературоведению, работам В. Кожина, в которых поэзия понимается ноуменально. Методология работы базируется на использовании герменевтико-интерпретационного анализа текста, также применяется сравнительный метод. Результаты работы могут быть интересны литературоведам, включающим литературу в пространство большого диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии, философии.

Ключевые слова: современная русская культура и литература, онтологический, танатологический текст, творчество Евгения Гусева, поэтика Валерия Дударева, фольклор

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-51-56

EDN: MZLSFJ

Введение. В России, как литературоцентричной стране, поэзия выступает фундирующим элементом художественного космоса. В поэзии представлен Абсолют, к которому апофатически тянется русский человек, о чем писал еще в своей работе «Непостижимое» философ С. Франк: «...быть поэтом и значит в конечном счете не что иное, как быть в состоянии выразить в словах и дать нам почувствовать непостижимое и несказанное» [8, с. 55]. Отечественный Логос строится именно по этим законам, по меткому наблюдению литературоведа В.В. Кожина: «...поэзия же схватывает то органическое единство внешнего и внутреннего, в котором и осуществлены живая жизнь и живой

смысл явления, уходящие корнями в бесконечность Вселенной» [6, с. 83]. Здесь можно поставить вопрос об эйдологии «иноного царства», проявившейся в отечественной словесной культуре. Литературоведы, обращающиеся к национальной аксиосфере современной поэзии, отмечают: «Ориентация русского человека на “иноное царство”, на *тот край*, которого нет в пределах обозрешимого, дана еще в русской волшебной сказке. Этот поиск *иноного*, неведомого всегда будоражил душу народа, но он также сопряжен с поиском *отчего края*, своей Родины (земной и небесной). Это поэтически прочувствовал и современный поэт Евгений Гусев» [4, с. 124]. К творчеству последнего в сопоставлении с творчеством современников мы и

обратимся в данной статье. В центре герменевтической реконструкции топосов *инога* (смерти) находятся два стихотворения отечественных классиков — «Поэты» Валерия Федоровича Дударева и «Возвращение» Евгения Павловича Гусева.

Методы исследования: герменевтико-интерпретационный и сравнительный анализа текстов.

Результаты исследования. Возможно, сначала целесообразно было бы разобрать стихотворение

«Поэты» (2013) В. Дударева, строчку-образ из которого «поэты последнего ряда» творчески одолжил Е. Гусев, включив в свое стихотворение «Возвращение» (2016), но мы нарушим хронологию и сначала обратимся к герменевтической реконструкции этосов *инога*, «того света» в гусевском тексте. Приведем этот текст:

Откуда-то сверху пробилось: — Нет,
Там молятся за него!

Так случилось, что в ночь новогоднюю
Я вдруг умер, лечиться устав.
Для отправки меня в преисподнюю
Подается к перрону состав.

С алкашней и шпаной нету слада,
Им и здесь бы нарушить закон.
Для поэтов последнего ряда
Подается отдельный вагон.

В основном, люди мало известные,
Кто печатался, кто еще нет.
Собралась нас компания тесная
С целью выяснить, есть ли буфет.

Проводник, тоже пишуший дядя,
Объясняет нам, глядя в окно,
Но на нас почему-то не глядя:
— Нет буфета, и быть не должно!

Нет так нет. Почитаем стишата.
Но стишата читать не пришлось —
Наш вагон провалился куда-то,
Оторвавшись от гулких колес.

Вдруг я вижу — стою на перроне.
Кто-то шепчет: — А я за тобой,
Рано думать пока о Хароне,
Бог-отец объявляет отбой.

Собирайся за милую душу,
На земле еще множество дел...
Жаль, стихи ни прочесть, ни послушать
Я в вагоне тогда не успел. [2, с. 184–185]

Сюжет январского стихотворения (текст датирован 1 января 2016 г.) достаточно прост: лирическому герою снится страшный сон, в котором он

видит себя умершим и отбывающим в общем «поэтическом» вагоне на «тот свет». Традиция такого страшного видения, сна-видения и сновидения,

очень древняя, и она связана во многом с поворотными моментами в космическом годовом цикле. Во-первых, здесь упоминается новогодняя ночь, что встраивает анализируемое произведение в мировой новогодний текст (в первом приближении вспомним Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», Э.Т.А. Гофмана «Приключение в ночь под Новый год», Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», М. Горького «Наваждение») и заставляет задуматься над экзистенциалом последней ночи в уходящем году. Ночь всегда потенциально опасна и связана с иномирным пространством, на что обращали внимание многие немецкие и русские поэты [1]. Во-вторых, в отечественной поэтической традиции известны яркие примеры видения героем самого себя мертвым во сне. Вспомним есенинскую «Метель» (1924): «Себя усопшего / В гробу я вижу» [5, с. 151]. Вспомним и ближний текст, а именно шуточное по интонации стихотворение В. Высоцкого «Мои похороны» (1971). В-третьих, по славянским народным представлениям, сон и смерть семантически близки, сон воспринимается народом как *временная смерть*.

Зададим главный онтогерменевтический вопрос: для чего автору это нужно? Поэт всегда старается профетически заглянуть в будущее, провидеть свою судьбу, а для этого необходимо совершить *посыл в смерть*, выражаясь философским языком С. Есенина, писавшего о связи Танатоса и Эроса, смерти и искусства в трактате «Ключи Марии». Но, по законам русской волшебной сказки,

строющейся на системе обретений и потерь, последовательных инициаций, необходимо не только иметь волю и мужество спуститься в «иное царство», но и вернуться обратно, в наш мир, в новом качестве. Лирический герой стихотворения Евгения Гусева в этом иномирном сне, похожем на *обмирание* из русского фольклора (несказочная проза), осознает себя в новом качестве. Сначала герой думает, что его везут в ад вместе с грешившими на земле людьми, а потом он понимает, что является поэтом *последнего ряда*, то есть человеком, на котором, по воле Бога, лежит особая просветительская миссия, и ее нужно выполнять на этой земле, на этом свете. Так происходит трансцендирование за пределы своего «я», и мы наблюдаем градацию художественного образа: лирический герой (поэт) после иномирного временного путешествия осознает свое поэтовое дело, иначе понимает свою судьбу. В этом стихотворении выразился поиск «иного царства»: с одной стороны, его онтологическая суть состоит в обретении новых качеств героем, его духовом преображении, с другой стороны, этот поиск *иного*, запретного, сокрытого от глаз, связан с законом самого творчества, с апофатической составляющей поэзии, которая создается на грани двух миров.

Обратимся к матричной для Е. Гусева строчке «поэты последнего ряда» из программного стихотворения В. Дударева «Поэты»:

Мы, поэты последнего ряда,
Допиваем прокисший абсент.
Мы — ваш Дант в дебрях рая и ада,
Вашей жизни последний момент.

Серебра нам с тобой не досталось,
Да и золото тут не в чести —
Но надеемся, самую малость,
И колосья сжимаем в горсти.

Соберем семена и коренья,
И путем продвигаясь зерна —
Мы роняем стихотворенья,
Словно шишки сосна.

Нам и ворон — благая примета,
И княжна — придорожная блядь.
За сто первый лесной километр
Нас положено отселать.

Мы — польнь!

Мы — Путивль!

Мы — Непрядва!

Мы — надгробий чужие цветы —

Самозванцы последнего ряда,

Прощельги последней черты. [3, с. 163]

Нет сомнения в том, что Евгений Гусев хорошо знал этот текст, с которым мог ознакомиться как письменно, так и изустно, во время поэтических приездов Валерия Дударева в Ярославль, его творческих командировок «Дни журнала «Юность» в России». Кроме того, супруга Е. Гусева и хранительница его наследия Л.Л. Гусева подтверждает большой интерес мужа к творчеству Валерия Дударева, имя которого возникает на полях записных тетрадей. Однако особого культурно-философского осмысления требует образ поэта, вдруг поставленного в *последний ряд*. Понятно, что не о самоуничтожении здесь идет речь, не о второрядности или третьерядности поэта в литературных кругах. Очевидно, что В. Дударев ставит перед нами онтологический вопрос о существовании самой поэзии в наши дни, в цифровое время, человек которого как бы в стихах и вовсе не нуждается. *Поэты последнего ряда* — люди, несущие в себе зерно культуры, пассионарии, способные продвигаться путем этого зерна (В. Ходасевич), помочь нам, метафизически отрешенным, спуститься вниз по временной оси, заглядывая в колодезь времени (один из любимых образов В. Дударева). Таких поэтов осталось не так много, но тот, кто остался, ощущает на себе ответственность за сохранение мировой культуры. Неслучайно стихотворение «Поэты» энтелехийно по своей сути: лирический герой обращается мысленно и к фигуре Данте, чувствуя себя проводником по лабиринтам мировой культуры, посредником между мирами, вспоминает литературный философский образ зерна, который оставил нам В. Ходасевич, погружает нас в забытый город со сложной судьбой Путивль, в исторические глубины реки Непрядвы, где разворачивалась та самая битва, определившая судьбу православной Руси-России (битва Дмитрия Донского с Мамаем).

Представляется, что все символы можно герменевтически дешифровать в этом стихотворении, но одна строчка нас заставляет особо задуматься: «Серебра нам с тобой не досталось, / Да и золото тут не в чести» [3, с. 163]. С одной стороны, это можно понимать метафорически: как пра-

вило, в литературных кругах художник всегда живет бедно. С другой стороны, указательное местоимение «тут» делит мир на две части, на явь и навь, на *этот* свет и *тот*. Думается, что лирический герой и Валерия Дударева совершает свое иномирное путешествие и обозревает вселенную, стараясь постигать ее в целокупности, находясь за чертой, то есть на «том свете». Танатологическими маркерами в стихотворении являются прокисший (от времени) абсент, стихотворения, которые падают на землю, как шишки, оторвавшись от дерева (важен сам вектор движения вниз, умирания, отпадения от мирового древа — поэзии и жизни), архетипически заряженный образ ворона как вестника смерти, княжна, которая теряет свой софийный статус и превращается в обычную женщину, сто первый лесной километр, как нулевой километр, как земля, которая лежит за пределами данного, то есть реально обозреваемого. Наконец, апогеем на этом пути инициации выступает не только отселение поэта, как особого вида человека, за *сто первый километр*, на выселки, но и преодоление им той самой черты, за которой начинается вечность. Поэт после смерти обретает бессмертие и смотрит на этот мир цветами, прорастающими сквозь надгробья времен и народов.

Выводы. Два стихотворения современных поэтов Валерия Дударева и Евгения Гусева, ушедших от нас в одном году (2019) в эоны истории, являются художественными экспериментами, попытками опуститься за ватерлинию видимого, приоткрыть нам дверь в «иное царство», к которому всегда стремится апофатически настроенный русский человек, главный герой волшебной сказки Иван-дурак. Онтогерменевтическая реконструкция топосов «иног царства» в указанных стихотворениях наших современников позволяет выявить культурно-философский потенциал русской поэзии по изучению онтологических вопросов творчества: и у Е. Гусева, и у В. Дударева образ поэта включен в аксиосферу национальной культуры, с ним связан ее метафизический пласт. Поэт продолжает быть носителем духовной культурной традиции.

1. Галиева, М. А. Космическое прозрение: Ф. Новалис — М.И. Цветаева. Фольклорная традиция в поэтике // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2015. — Т. 2, № 153. — С. 135–139.
2. Гусев, Е. От рассвета до заката. — Ярославль: Аверс Плюс, 2018. — 460 с.
3. Дударев, В. Ветла и другие стихотворения. — М.: Художественная литература, 2016. — 196 с.
4. Дударева, М. А., Морозов, В. Э. Образ Родины в книге стихов Евгения Гусева «В том краю серебристого инея» // Казанская наука. — 2024. — № 6. — С. 123–125.
5. Есенин, С. А. Собр. соч.: в 7 т. — М.: Наука; Голос, 1997. — Т. 2. — 464 с.
6. Кожин, В. В. Стихи и поэзия. — М.: Сов. Рос., 1980. — 304 с.
7. Толстой, Н. И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Очерки славянского язычества. — М.: Индрик, 2003. — С. 303–310.
8. Франк, С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. — М.: АСТ, 2007. — 512 с.

**SEARCH FOR «ANOTHER KINGDOM»:
THE IMAGE OF THE POET IN THE LYRICS OF V. DUDAREV AND E. GUSEV**

© 2024 M.A. Dudareva^{1,2}, G.B. Atalyan³

Marianna A. Dudareva, Doctor of Philology, Doctor of Culturology Professor of the Department of General and Slavic Philology

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Gayane B. Atalyan, Assistant of The Russian Language Department No. 1

E-mail: papyan-rudn@mail.ru

¹Russian State University named after A.N. Kosygin
Moscow, Russia

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia

³Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russia

The aim of the study is to identify the philosophical, ontological aspect of the poet's image in the poems of modern Russian poets Valery Fedorovich Dudarev and Evgeny Pavlovich Gusev. The object of the article is two poems: "Poets" (V. Dudarev) and "Return" (E. Gusev). The subject of the study is the eidology of "another kingdom", which is the foundation for the image of the poet in the lyrics of his contemporaries. Parallels are drawn with the Russian fairy tale, its otherworldly aesthetics, built on the ontological search for "another kingdom", an ideal world. The poems of modern poets reveal the axiological and ontological essence of this search for "another kingdom", which can only be realized by an artist of the word, who feels the signs of fate, prophetically treating life. We turn to Russian philosophy of the early 20th century, the legacy of S. Frank, who showed the apophatic horizon of poetry, and Russian literary criticism, the works of V. Kozhinov, in which poetry is understood noumenal. The methodology of the work is based on the use of hermeneutic-interpretative analysis of the text, and the comparative method is also used. The results of the work may be of interest to literary scholars who include literature in the space of a large dialogue of cultures, and can also be used in teaching courses on cultural studies and philosophy.

Keywords: modern Russian culture and literature, ontological, thanatological text, the work of Evgeny Gusev, the poetics of Valery Dudarev, folklore

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-51-56

EDN: MZLSFJ

1. Galieva, M. A. Kosmicheskoe prozrenie: F. Novalis — M. I. Tsvetaeva. Fol'klornaia traditsiia v poetike (Cosmic Insight: F. Novalis — M. I. Tsvetaeva. Folklore Tradition in Poetics) // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2015. — Т. 2, № 153. — С. 135–139.
2. Gusev, E. Ot rassveta do zakata (From Dawn to Sunset). — Iaroslavl': Avers Plus, 2018. — 460 s.
3. Dudarev, V. Vetla i drugie stikhotvoreniia (Vetla and Other Poems). — М.: Khudozhestvennaia literatura, 2016. — 196 s.
4. Dudareva, M. A., Morozov, V. E. Obraz Rodiny v knige stikhov Evgeniia Guseva «V tom kraiu serebristogo ineia» (The Image of the Motherland in the Book of Poems by Evgeny Gusev "In That Land of Silvery Frost") // Kazanskaia nauka. — 2024. — № 6. — С. 123–125.
5. Esenin, S. A. Sobr. soch.: v 7 t. (Collected Works: in 7 volumes). — М.: Nauka; Golos, 1997. — Т. 2. — 464 s.
6. Kozhinov, V. V. Stikhi i poeziia (Poems and Poetry). — М.: Sov. Ros., 1980. — 304 s.

7. Tolstoy, N. I. Narodnye tolkovaniia snov i ikh mifologicheskaya osnova (Folk Interpretations of Dreams and Their Mythological Basis) // Ocherki slavianskogo iazychestva. — М.: Indrik, 2003. — С. 303–310.
8. Frank, S. L. Nepostizhimoe: Ontologicheskoe vvedenie v filosofiiu religii (Incomprehensible: Ontological Introduction to the Philosophy of Religion). — М.: AST, 2007. — 512 s.